

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<https://doi.org/10.5281/zenodo.6524072>

УДК 316.62

Базаков А.З.

Базаков Алихан Зелимханович, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия, 119234, г. Москва, ул. Ленинские Горы, МГУ, д. 1. стр. 33. E-mail: BazakovAZ@my.msu.ru.

Теоретические основы исследований радикального поведения молодежи

Аннотация. Статья посвящена анализу теоретико-методологических наработок исследований радикального поведения молодежи психологов и социологов различных периодов развития социальных наук. Рассматриваются такие социологические подходы, как психологический подход Г. Лебона и Г. Тарда, критическая теория Франкфуртской школы М. Хоркхаймера, Т. Адорно, Э. Фромма и Г. Маркузе, теория скептического поколения Х. Шельски. Анализируются различные аспекты данных подходов в контексте молодежного радикализма. Отдельное внимание также уделено актуальным формам проявления радикального поведения молодежи и их рассмотрению с точек зрения упомянутых выше теорий. Отдельным блоком представлен историко-генетический анализ зарубежных и российских радикальных идеологических движений молодежи, в частности – ультраправых «антифашистов» и ультраправых «неонацистов». Исследуются факторы, оказывающие влияние на развитие указанных движений, а также объективные тенденции к их сетевизации.

Ключевые слова: молодежь, радикализм молодежи, радикальное поведение, молодежные субкультуры, идеологические движения молодежи, манипулирование молодежью, идеологическое манипулирование, радикальные идеологии.

Bazakov A.Z.

Bazakov Alikhan Zelimkhanovich, Lomonosov Moscow State University, Russia, 119234, Moscow, Leninskie gory, MSU, 1 33. E-mail: BazakovAZ@my.msu.ru.

Theoretical foundations of studies of radical behavior of youth

Abstract. The article is devoted to the analysis of theoretical and methodological foundations in the studies of the radical behavior of youth by psychologists and sociologists of various periods in the development of social sciences. Such sociological approaches as the psychological approach of G. Le Bon and G. Tarde, the Critical theory of the Frankfurt School by M. Horkheimer, T. Adorno, E. Fromm and H. Marcuse, Skeptical Generation theory of H. Schelsky are considered. Various aspects of these approaches are analyzed in the context of youth radicalism. Especially attention is also paid to the actual forms of manifestation of the radical behavior of young people and their analysis in terms of the theories mentioned above. A separate part

presents a historical and genetic analysis of foreign and Russian radical ideological movements of youth, in particular, far-left “Antifa” and far-right “Neo-Nazi”. The factors influencing the development of the movements, as well as the objective tendencies towards their networkization, are studied.

Key words: youth, youth radicalism, radical behavior, youth subcultures, youth ideological movements, youth manipulation, ideological manipulation, radical ideologies.

Проблема радикализма различных социальных масс, а также проблема радикальных социальных движений, в частности – преступных толп, исследовались в парадигме социальной психологии на рубеже XIX и XX веков. Так, французский психолог Г. Лебон характеризовал XIX век как «век толп» или «эру масс». Толпа по Г. Лебону – являющаяся по сути своей разновидностью стихийного массового движения – ведома лишь бессознательными инстинктами, отрицающими любую рациональность [7, с. 333]. Толпа уничтожает сознательное составляющее индивидов, становящихся ее членами, объединяя чувственность и следующие из нее иррациональные мысли для продвижения индивидов в необходимом ключе, заданном изначальной идеологией. Лебон отдельно указывает на зарождение масс и толп из «развалин многих идей, считавшихся когда-то истинными» [5, с. 180]. Таким образом, идеология играет ключевую роль, аккумулирующую бессознательные порывы индивидов в толпе во имя достижения символических целей. Г. Лебон разделял идеологические составляющие толпы на идеи толпы – низведенные до примитивности высшие идеи; рассуждения толпы – создаваемые толпой новые идеи; воображение толпы – результат осмысления идей и рассуждений, который предстает чрезмерно образным и стигматизирующим.

Всякая толпа или масса радикальна по своей сущности, так как характеризующими ее качествами являются: импульсивность и раздражительность, податливость и легковерие, преувеличение и односторонность чувств, нетерпимость и чрезмерный консерватизм, мнимая нравственность, способная оправдать любые даже самые радикальные поступки (например, массовые убийства и т.д.). Из совокупно-

сти всех вышеперечисленных признаков следует также непостоянство и изменчивость мнений толпы – что делает ее еще более идеологически податливой и подверженной суггестивному влиянию со стороны лидеров мнений.

Также, хотя Г. Лебон не использовал термин «символическое», он все же выделяет ряд символических элементов, которые структурируют бессознательное и сознательное индивидов-членов толпы, среди них: образы, слова и формулы; иллюзии и их значения; опыт толпы; отсутствие рассудка. Принимая во внимание труды феноменологов (Э. Гуссерля) и структуралистов (Ж. Лакана, Л. Альтюссера, С. Жижека), из рассуждений Лебона можно сделать вывод о том, что идеологические элементы толпы влияют на априорное восприятие социальных и прочих феноменов, то есть они образуют особое интенциональное наполнение сознания человека. Таким образом, причастность индивида к массовому движению означает полное подчинение его сознания символическому наполнению идеологии этого движения и следующие из него мнимо-оправданные радикальные действия.

Один из классиков социологической науки Г. Тард, однако, считал, что термин «век толп» вовсе не подходит для описания современного общества. Вместо этого главенствующее место в массовом обществе он выделяет публике как «чисто духовной совокупности, как группы индивидуумов, физически разделенных и соединенных чисто умственной связью». Явление публики является следствием возникновения социальных движений – они являются собой «социальные реки, <...> огромные потоки, которые приступом захватывают теперь самые стойкие сердца, самые способные к сопротивлению умы...» [9, с. 260]. Примером радикализма

публики, который в свою очередь является результатом безусловного внушения на расстоянии, Г. Тард называет поджоги, массовые убийства и насилие во времена Французской революции со стороны публики таких «великих и ненавистных публицистов», как Жан-Поль Марат и Камилль Демюлен [9, с. 264]. Содержание газет по Г. Тарду направлено на такого рода восприятие со стороны публики, которое должно казаться безусловно правдивым и злободневным. В отличие от толпы, публика не столь изменчива и непостоянна, на нее не действуют природные и естественные явления. Это также сказывается и на степени импульсивности и восприимчивости публики, однако, как отмечает Г. Тард, если влияние публициста на публику «является гораздо менее интенсивным в данный момент, зато по своей продолжительности оно более сильно, чем кратковременный и преходящий толчок, данный толпе ее предводителем» [9, с. 268]. Для консолидации разрозненной толпы, состоящей из сторонников определенной мысли или идеи в единую физически коллективную силу требуется выражение этой идеи публицистом. Публицист и пресса, при всей радикальности пропагандируемых идей, однако, зачастую даже при реализации публикой этих идей остаются почти не наказуемыми. Наиболее подверженными данной пропаганде Г. Тард называет членов религиозных групп и политических партий. Можно выдвинуть предположение, что именно религия и политика являются полями, в которых господствуют идеологические элементы виртуальной реальности – поэтому консолидация индивидов вокруг этих элементов происходит успешнее.

Таким образом, классики социальной психологии и социологии характеризовали социальные движения, в особенности стихийные, основанные на определенных идеологиях толпы, как имманентно радикальные группы, хорошо внушаемые и имеющие свою «нравственность», которая позволяет оправдывать любые совершаемые во имя идеологических целей пре-

ступления. При этом, если толпы как массы прошлого были чрезмерно радикальными в своем коллективном поведении, то публика как масса современности скорее пассивно накапливает радикализм и выплескивает его в активной деятельности при наличии побуждения со стороны идеологов.

Проблема радикализма масс вновь стала актуальной при становлении авторитарных и тоталитарных режимов в некоторых странах Европы после Первой мировой войны. В частности, исследователи Франкфуртской школы в Европейский и Американский периоды своей активности подвергали глубокому критическому анализу фашистские идеологии, их истоки и причины поддержки индивидами. Важнейшими трудами философов и социологов Франкфуртской школы, посвященных теме авторитарного (фашистского) характера личности являются: «Исследование авторитаризма и семьи» за коллективным авторством Макса Хоркхаймера, Теодора Адорно и Герберта Маркузе, «Авторитаризм и семья сегодня» Макса Хоркхаймера, «Исследование авторитарного характера» Теодора Адорно, «Бегство от свободы» Эриха Фромма.

М. Хоркхаймер в статье «Авторитаризм и семья сегодня» разбирает с фрейдомарксистских позиций историю патриархальной семьи и отношения между родителями и детьми – в отличие от классического марксизма, в котором семья безусловно рассматривалась как институт угнетения, Хоркхаймер приходит к выводу, что семья является традиционно сложившейся функциональной формой сожительства, противостоящей отчуждению индустриального капиталистического общества, поскольку ее корнями является не буржуазный строй, а феодальное благородство. Патриархальное общество делает социально обусловленным и почти природным потребностью индивида в авторитете и подчинении. Классическим проводником авторитета в обществе являлась семья: даже начало буржуазного строя, не бывшее еще технически рациональным, впо-

ловину не тронуло авторитет глав семейств среднего класса. Поскольку средний класс в Викторианскую эпоху представлял собой класс ремесленников и мелких предпринимателей, то глава семейства – обычно отец – являлся по совместительству руководителем семейного предприятия, его авторитет и власть базировались на «внутренней необходимости принятых форм зависимости от жизненного процесса общества» [14, с. 361].

Монополизация капитализма и потеря средним классом своей собственности низвергла авторитет отца семейства, так как разрыв с семьей более не представляет собой ужаса для подрастающего поколения. Авторитет в семье в эпоху индустриального капитализма, таким образом, является традиционным или даже скорее аффективным, нежели рационально обоснованным. Однако из-за атомизации общества и отчуждения индивида от своей семьи, в юности он более не воспринимает своих родителей (в особенности – отца) как моральных идеалов, он более не желает идентифицировать себя с ними, поэтому во внешней среде он ищет более сильного и властного отца, который способен воплотить в жизнь абстрактную идею деспотичной власти. Как отмечает Хоркхаймер: «Сегодня же отец становится прямо замещен коллективными единениями, школьным классом, спортивной командой, клубом, государством. Чем больше семейная зависимость уменьшается до незначительных психологических функций, которые есть в душе ребенка, тем более абстрактной и неспецифической она становится в юношеском представлении; кратно она ведет к общей готовности принять любую достаточно сильную власть» [14, с. 364].

В конце работы Хоркхаймер приходит к выводу о том, что именно недостаток индивида в истинных семейных отношениях готовит его к покорности внешним отчужденным структурам и передачи им чувства авторитета. Причиной фашизма он называет «недостаток семьи», а также замечает, что «семья, как реальность, также

является наиболее глубоким и эффективным средством противодействия» фашизму и иным формам авторитарных идеологий.

В данной статье М. Хоркхаймер также перечислил основные характеристики авторитарного характера, подверженного влиянию деструктивных сект, фашистских идеологий и т.д. Ниже перечислены некоторые из них:

- приверженность автономной идеологической нравственности, оправдывающей любые радикальные меры;
- строгое деление общества на свою ин-группу и категорически отвергаемую аут-группу;
- ненависть ко всему слабому;
- стереотипное мышление, навязанное идеологическими элементами;
- строгая иерархичность;
- псевдоконсерватизм, то есть использование консервативной парадигмы в целях достижения деспотизма;
- строгое отождествление себя с абстрактной «средней» стратой;
- использование религии в прагматической цели – как средства держать других в страхе;
- отсутствие какой-либо жалости и эмпатии;
- идеализация своих родителей, которая скрывает ненависть к ним и отсутствие каких-либо эмоциональных связей с ними;
- вера в идею абсолютной нормальности (предыдущий пункт тесно связан с этим).

Хоркхаймер отмечает, что бунт детей против родителей и их участие в радикальных течениях является прямым следствием капиталистической деструкции семьи: «В холодном и загадочном мире они подозревают каждого в том, что он их враг, и они готовы яростно накинуться на него» [14, с. 366].

Данные идеи были продолжены в труде Теодора Адорно «Исследование авторитарного характера». Адорно, на основании гипотезы о схожести характеров

разных индивидов, подверженных влиянию антидемократической пропаганды, создал шкалу F, измеряющую наклонности к поддержке фашистских и иных авторитарных режимов, и провел масштабное исследование, включавшее в себя как количественные, так и качественные методы, как, например, глубинное интервью. В исследовании действительно подтверждаются выводы Макса Хоркхаймера о поддержке фашизма как о попытке компенсации недостатка семьи – такое явление, как, например, антисемитизм тесно связано с завистью к еврейским общинам и, в частности – к закрытым и крепким еврейским семьям, в которых члены разделяют общую предпринимательскую деятельность. Таким образом, антисемитизм является следствием вытеснения зависти к классическим крепким семьям среднего класса Викторианской эпохи, почти полными характеристиками которых, как было сказано ранее, обладали еврейские семьи. Также различного рода ненависть к определенным лицам является вытеснением последствий фиксаций комплекса Эдипа – эти лица в сознании авторитарной личности воспринимаются в связке со свойствами, присущими ненавистному отцу, поэтому ненависть к ним тесно связана с детской психической нереализованностью [1, с. 281].

Помимо антисемитизма из отчуждения и одиночества индивидов вытекают и другие авторитарные характеристики, например, непонимание и нежелание разбираться в политической и экономической деятельности, вследствие этого – стигматизация определенных качеств за некоторыми социальными группами. Например, «все бедные люди являются ленивыми», «все политики – бюрократы» и т.д.

Индивиды, подверженные фашистской пропаганде, также являются псевдоконсервативными «бунтарями». Псевдоконсерватизмом Т. Адорно называет одновременное принятие всех видов традиционных ценностей и одобрение более деструктивных кластеров, таких как цинизм, эгоизм, корысть, ксенофобия и т.д. [1, с.

194]. Псевдоконсерватизм тесно связан с неудачной идентификацией с авторитетом, из этого следует слепое утверждение общепринятых ценностей, однако в то же время однозначное желание их уничтожить. Именно это противоречие заставляет «бунтовать» против сложившегося кластера традиций и институтов, в то время как «истинные» консерваторы стремятся не к слепому желанию упрочить их анахронизм, а к их приспособлению к изменчивым условиям социальной среды. Авторитарный характер личности, поэтому, как отмечает Адорно, не связан с консерватизмом, поскольку консерваторы в современных условиях зачастую являются даже большими либералами, чем сами сторонники либерализма [1, с. 196]. Напротив, псевдоконсервативный бунт авторитаристов направлен на уничтожение традиционных ценностей и институтов, именно поэтому он воплощает в себе радикализм в самой антигуманистической его форме [1, с. 15].

Итак, Т. Адорно выделяет следующие признаки (симптомы) авторитарного характера: чрезмерный функционализм; создание воображаемого врага и борьба с ним; ксенофобия из замещенной зависти к ненавистной группе; псевдоконсерватизм; бунтарство; стереотипное мышление; стремление к манипуляциям; психотизм; невежество в вопросах общественного устройства. Авторитарный характер личности формируется в юности под влиянием детских комплексов, связанных с неполноценностью семейной жизни. Юношество же является наиболее бунтарским периодом жизни, поэтому молодые люди наибольшим образом подвержены влиянию деструктивных идеологий – как радикально левых, так и радикально правых, так как любые радикальные идеологии выступают за деструкцию традиционных общественных институтов.

Эрих Фромм в работе «Бегство от свободы» подробнее раскрывает причины деструктивности авторитарного характера личности. Авторитаризм и деструкция являются механизмами избавления от бре-

мени свободы, механизмами замещения комплекса неполноценности и неспособности быть самостоятельным. Изначальная база авторитарного характера связана с бессознательным или сознательным принятием собственного бессилия, из чего следуют мазохистские наклонности. Мазохизм позволяет индивиду избавиться от собственной личности, потерять себя, избавиться от бремени свободы [10, с. 151]. Авторитаризм является одним из способов реализации мазохистских наклонностей. Он позволяет избавиться от собственного «я» и, отдав его авторитарной власти, почувствовать причастность к этой власти и единение с Другими, также причастными к этой власти. Страсть к этой власти, как уже было упомянуто, коренится не в силе, а в осознании собственной слабости [10, с. 160].

Авторитаристы являются психологическими «бунтарями». Участие в некоей борьбе против воображаемого врага – а зачастую, против устоявшихся социальных институтов – является попыткой утвердить себя и преодолеть собственное чувство бессилия. С этим тесно связан механизм деструкции: «Уничтожение мира есть последняя отчаянная попытка спастись от того, чтобы быть им раздавленным» [10, с. 176]. Таким образом, сторонники любого из радикальных течений желают компенсировать чувство собственного бессилия через попытку слияния с некоей силой, уничтожающей кажущуюся причину этого бессилия. Истоками всех вышеупомянутых явлений Э. Фромм, ссылаясь на З. Фрейда, называет детские комплексы и период бунтарского юношества.

Бунтарство юношества и его перманентный радикализм были описаны немецким социологом Хельмутом Шельски. Шельски характеризовал молодость как «поведенческую фазу человека, в которой он больше не играет роль ребенка и в которой он еще не перенял роли взрослого как полноценного участника социальных институтов как, например, семья, гражданский и политический, правовой и экономический порядки» [12, с. 197]. Од-

нако главная проблема этой поведенческой фазы коренится в ее маргинальности, так как в современности между межличностными семейными и общественными (социетальными) отношениями отсутствует какая-либо связь. Таким образом, семья как институт перестает подготавливать подрастающее поколение к жизни в обществе, из чего молодежь становится радикально скептически настроенной по отношению ко всем общественным нормам.

Одной из групп факторов, влияющих на поведение молодежи, Х. Шельски называл временно-историческую политическую ситуацию общества, характеризующаяся актуальными историко-политическими событиями и сил. В этой связи, как отмечает Шельски, молодежь, являясь маргинальной скептической группой, чрезмерно подвержена влиянию со стороны «старших», чью роль играют не родители, а СМИ и господствующие в них структуры, мнения, идеологии и т.д. Малая популярность и распространение деструктивных, нигилистических и, главное – скептических идеологий, совпадая со свойствами мировоззрения и психики молодых людей, неизбежно привлекает внимание последних.

Таким образом, можно прийти к выводу о следующих теоретических обоснованиях радикального поведения молодежи. В силу постмодернистских изменений института семьи, подрастающее поколение еще в детстве массово обретает комплексы несостоятельности, отсутствия авторитета и образцов поведения. Не имея ни имущественных, ни социальных подкреплений какого-либо общественного статуса, молодежь становится маргинальной, крайне скептически и радикально настроенной публикой, подверженной влиянию со стороны радикальных идеологий. Эти радикальные идеологии, представляющие собой определенную виртуальную реальность своеобразной нравственности, оправдывают деструктивные психически обусловленные потребности, садистские и мазохистские наклонности авторитарной молодежи. Сочетание радикальных идеологий и скептически настроенной моло-

дежной публики приводит к возникновению радикальных идеологических движений молодежи. Притом нивелирование разницы между ультралевыми и ультраправыми идеологиями может быть объяснено через теорию политического спектра французского философа Жан-Пьера Фе. Спектр идеологий предстает в виде подковы, радикальные края которой близки друг к другу – таким образом, радикальные идеологии как левого, так и правого толка, практически идентичны в своих целях разрушить общественные институты и средства их исполнения.

Стоит отметить, что маргинальность социального статуса молодежи неизбежно приводит к обострению проблемы идентичности, которая, в свою очередь неразрывно связана с проблемой различия ин-групп и аут-групп. Проблема распознавания «своих» и «чужих» радикальным образом разрешается с помощью субкультур – определенных культурных течений, во главе которых стоят не культурные ценности, а идеологические практики. Отечественный исследователь В.А. Луков отмечает, что российские молодежные субкультуры тесно связаны с криминалом и подвержены сильному влиянию западной молодежной моды [6, с. 80]. Криминал молодежных субкультур, однако, свойственен западному обществу в большей степени, поскольку сама проблема коллективной молодежной преступности в России появилась лишь после распада СССР [2, с. 18].

Большинство современных исследователей молодежного радикализма и молодежного экстремизма сходятся во мнении, что поле классических радикальных идеологических движений молодежи представлено борьбой двух экстремистских дискурсов: ультраправых неонацистов и ультралевых антифашистов. Классическим молодежным радикализмом и экстремизмом необходимо обозначить совокупность «уличных» движений, распространение и существование которых происходит в основном без использования информационных технологий и сети интернет.

Дискурс ультраправых идеологических движений молодежи представлен, однако, не только неонацистами, а большим количеством различных связанных идеологически субкультур. Политолог С.В. Беликов разделяет классические ультраправые движения российской молодежи на скинхедов, радикальных националистов, ультраправых неформалов.

История неонацистской идеологии тесно связана с послевоенной Германией, являвшейся ранее страной победившего нацизма.

Исследователи выделяют первый этап развития неонацизма [8, с. 109] (1945–1973 гг.) как связанный с подъемом реваншистских идей период, за который бывшими членами НСДАП были созданы некоторые ультраправые партии. Основной целью движения на данном этапе было оправдание преступлений нацистского режима.

Второй этап развития неонацистской идеологии [8] (1973–2010 гг.) был связан с большим притоком в Германию трудовых и прочих мигрантов. Именно данный период охарактеризовался переходом из фазы пассивного распространения идеологии в активную действенную фазу: в период с 1990-х по 2010-е начались массовые целенаправленные преступления против иностранцев, такие как террористические атаки, массовые убийства, избиения и т.д. Таким образом, неонацизм является историческим продолжением классического нацизма, сторонники которого также не были подвергнуты люстрациям: по данным Deutsche Welle в министерстве внутренних дел западногерманского города Бонн доля состоявших в нацистской партии сотрудников в определенное время составляла 54%, в МВД ГДР по Восточному Берлину – 14%; среди сотрудников министерства юстиции ФРГ доля бывших нацистов составляла 52%.

В США в послевоенное время крайне правой группировкой изначально являлся Ку-Клукс-Клан, ячейки которой регулярно совершали насильственные преступления на расовой, религиозной и этнической

почвах (поджоги, террористические акты, массовые и одиночные убийства) [11, с. 58]. Схожим «традиционно американским» ультраправым движением является движение нео-конфедератов, главными идеями которого являются: восстановление рабства, ненависть к расовым меньшинствам и т.д. Необходимо также упомянуть и движение «скинхедов», основанное в 60-е годы прошлого столетия в Англии, но набравшее особую популярность в США.

Сам по себе неонацизм в США тесно связан с белым национализмом, который позже также распространился и в России. Белый национализм основан на идее о превосходстве белой расы как в США, так и по всему миру, поэтому конечной целью сторонники данной идеологии видят построение из США так называемого «white ethnostate» – то есть государства с исключительным белым населением. При этом сама европеоидная раса не считается однородной: белыми объявляются лишь потомки колонизаторов Америки. Поэтому нередко расизму подвергались и подвергаются, например, этнические итальянцы.

После распада СССР именно эти идеи, а именно – белый национализм и желание построить «white ethnostate» (со своим понятием белой расы или заменой его другим понятием), поддержка и оправдание преступлений Третьего Рейха, идеи этнического и расового превосходства, были заимствованы правым крылом радикальной российской молодежи.

Возрастной состав упомянутых ультраправых субкультур, члены которых систематически нарушают законы России, распределен следующим образом: 16–18 лет – 37 %, 14–25 лет – 92 % [3, с. 21]. При этом всех неонацистов старше 25 лет наблюдается всего 3%, что однозначно свидетельствует о крайней степени неприязни данной идеологии среди старшего поколения.

С.В. Беликов отмечает, что социальный состав данных субкультур делится на маргинальный и обывательский слои. При этом ближе к 2000-м годам отмечается тенденция роста числа «обывателей» в со-

ставе неонацистских субкультур. Значительной частью стали выходцы из семей среднего класса, а примерно 20% из привлеченных к уголовной ответственности скинхедов оказались детьми сотрудников МВД, министерства юстиции и военных ведомств [3, с. 21].

Как ответная реакция со стороны ультралевой общественности на возрождение нацистской идеологии было создано движение «Антифа». Сама история антифашистского движения также берет свое начало в Германии, а именно – в Веймарской республике в 1932 году. Лозунг «Антифашистское действие» и логотип антифашистского движения, использующиеся по сей день, были созданы Коммунистической партией Германии для консолидации протестного голосования против НСДАП и прочих ультраправых партий. Однако данный период антифашистского движения, ровно как и период борьбы с фашизмом и нацизмом во времена Второй мировой войны нельзя назвать началом «классического» антифашистского движения, которое, в свою очередь, боролось в публичном пространстве именно с неонацизмом: скорее довоенные и военные «Антифа» явились «доклассическими».

Началом же «классического» антифашистского движения можно считать всемирные левые студенческие протесты конца 60-х начала 70-х годов прошлого столетия, нередко перераставшие в массовые беспорядки и драки с неонацистами. Одним из идеологов начального «классического» антифашизма безусловно можно считать Герберта Маркузе. В его трудах «Эссе к освобождению», «Разум и революция» и «Репрессивная толерантность» можно отметить решительный отказ идти на какие-либо уступки псевдоконсерваторам и фашистам со ссылками на предположение о том, что фашисты, пользуясь либеральной толерантностью, при получении власти пойдут на радикальные меры по восстановлению идеологии Третьего Рейха. Более того, именно в «Репрессивной толерантности» Маркузе призывает лишить свободы слова бывших наци-

стов и прочих сторонников фашизма по этой самой причине. Несмотря на теоретические обоснования антифашистской идеологии, практические ее осуществления, как уже тогда отмечали Т. Адорно и Ю. Хабермас, решительным образом выступали против демократии и, в конечном итоге, превращали антифашистское движение и студенческий протест в «левый фашизм» [4, с. 366].

Однако активное распространение «классического» антифашизма как самостоятельного идеологического движения началось в 1980-е годы. Большинство сторонников «Антифа» поддерживают насильственные действия против идеологических противников, которыми, однако, являются не только ультраправые, но, зачастую, и умеренно-правые, например, консерваторы или правые либералы. Федеральное агентство защиты порядка Германии в 2016 году опубликовало исследование «Linksextremismus Erscheinungsformen und Gefährdungspotenziale», в котором результаты анализа множества акций антифашистов привели к выводу, что под идеологией антифашизма и эгидой борьбы с неонацизмом, «Антифа» в самом деле, борется с либерально-демократическим порядком, отвергая институты парламентской репрезентативной демократии. В идеологию антифашистов, помимо борьбы с основными общественными институтами, входят также такие идеи, как легализация наркотических средств, легализация беспорядочных половых отношений, защита прав меньшинств (к которым нередко относят наркоманов, ВИЧ-инфицированных и иных маргиналов).

В России «классические» антифашисты появились в конце 90-х годов, в среде левого радикализма и анархизма. С.В. Беликов отмечает, что как устойчивое движение российский антифашизм сложился окончательно к 2005 году. Уже тогда отмечались акции вандализма, массовые акты насилия против сторонников любых, даже умеренных правых, а также центристских идеологий (например, социальных консерваторов или левых консервато-

ров). Нередко данные явления уличной жизни сопровождались использованием холодного, пневматического и травматического оружия. Среди леворадикальных антифашистских организаций С.В. Беликов выделяет «Авангард красной молодежи» и «Автономное действие», среди официально зарегистрированных и функционирующих как некоммерческие организации – «Московский антифашистский центр», «Российский антифашистский фронт», «Антифашистское молодежное действие» [3, с. 74].

Леворадикальные неофициальные движения также образуют боевые группы, обозначаемые «боевыми антифашистами», с которыми связаны левые скинхеды, панки, скинхеды-антирасисты. Их обособленная система нравственности, основанная на нигилизме и критицизме всего общественного, оправдывает применение самых радикальных насильственных методов, таких как, например, вандализм или терроризм [3, с. 75].

Возрастной состав участников антифашистских групп составляет молодежь от 16 до 20 лет [3, с. 77]. Так же, как и среди неонацистов, среди антифашистов лица старше 20 лет представляют всего несколько процентов от общей численности членов. Несмотря на данный факт, эта самая старшая группа является наиболее идеологизированной и политизированной. Этнический состав антифашистов неоднороден – примерно половина приходится на лиц славянского происхождения, другая половина – на лиц смешанного и нерусского происхождения [3].

Главной чертой классических неонацистов и антифашистов является их преимущественно уличная активность, не связанная с теоретическим мифотворчеством, скорее их деятельность направлена на открытое и публичное распространение уже существующих мифов. Их публичные акции напрямую нацелены на распространение антиобщественной идеологии с ярко выраженными элементами экстремизма. Так, наглядным является пример акции либеральных антифашистов, представи-

тельниц группы «Пусси Райот», произошедшую в 2012 году в Храме Христа Спасителя в Москве как пример одного из действий, нацеленных на дестабилизацию традиционных институтов российского общества.

В Соединенных Штатах Америки, по данным Антидиффамационной лиги (Anti-Defamation League) в период с 2002 года по 2012 год ультраправыми силами было совершено 14 террористических актов [13]. Ультраправыми силами за тот же период было осуществлено 56 террористических актов, 107 убийств на почве ненависти, 29 перестрелок с полицией [13].

Таким образом, общим как для сторонников радикально левых, так и для сторонников радикально правых идеологий является имманентное, неразрывное стремление к насилию. Из приведенной ранее статистики и фактов, выявленных исследователями, можно сделать вывод, что классические радикальные идеологические движения молодежи практически не различаются по средствам и целям, среди этих разных лагерей встречаются даже одинаковые субкультуры (например, «скинхеды» или «панки»), однако единственным существенным различием является количество жертв акций этих движений.

Субкультурные феномены, распространенные среди данных идеологических движений, в действительности подтверждают теории и опасения классиков социологической науки Г. Лебона и Г. Тарда о беспощадности толпы и идеологизированной публики. Также подтверждаются предположения философов и социологов Франкфуртской школы о формировании авторитарного характера личности именно в юношестве, а также о связанных с этим характером свойств и качеств. Относительная массовость этих движений объясняется общей скептичностью молодежи как социально-демографической группы – что было описано в трудах социолога Х. Шельски.

Однако раскрытые в данной статье «классические» радикальные идеологические движения молодежи значительным образом отличаются от «новых» форм радикализма, распространенных сегодня. Завершением периода «классического» радикализма можно считать начало 2010-х годов, когда последствия кризиса 2008 года еще не осуществились и как таковой триггер к перезапуску и созданию новой ветки радикальных идеологий отсутствовал. Именно последствия кризиса 2008 года запустили распространение качественно нового – цифрового радикализма – со стремительной скоростью [15, с. 29].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адорно Т. Исследование авторитарного характера. М.: Серебряные нити. 2020. 414 с.
2. Баева Л.В. Молодежный экстремизм в современной России // Обзор.НЦПТИ. 2015. №5.С.16-21.
3. Беликов С.В. Антифа. Молодежный экстремизм в России. М.: Алиторус. 2012. 135 с.
4. Джеффрис С. Гранд-отель «Бездна». Биография Франкфуртской школы. М.: Ад Маргинем Пресс. 2018. 448 с.
5. Лебон Г. Психология народов и масс. М.: АСТ. 2019. 384 с.
6. Луков В.А. Особенности молодежных субкультур в России // Социологические исследования. 2002. №10. С. 79-87.
7. Ольшевский Д.В. Психология Масс. СПб.: Питер. 2002. 368 с.
8. Самохин А.А., Канашина Е.А. Неонацизм в Германии: история возрождения // ИСОМ. 2016. №1-2. С. 108-112.
9. Тард Г. Мнение и толпа // Психология толп. М.: КСП+. 1998. 416 с.
10. Фромм Э. Бегство от свободы. Москва: АСТ. 2020. 288 с.
11. Хлопов О.А. Ультра-правые движения в США: прошлое и настоящее // Colloquium-journal. 2019. №5 (29). С. 58-62.

12. Abels H. Jugend vor der Moderne. Soziologische und psychologische Theorien des 20. Jahrhunderts. Opladen. 1993. 601 p.
13. H.E.A.T. Map // ADL. URL: <https://www.adl.org/education-and-resources/resource-knowledge-base/adl-heat-map> (дата обращения: 12.12.2021).
14. Horkheimer M. Authoritarianism and the family today // The family: its function and destiny. N. Y. 1949. 443 p.
15. Schneider G. For Hate of Money: Causes of Support for President Trump and Conservatism. Colorado. 2018. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/For-Hate-or-Money%3B-Causes-of-Support-for-President-Schneider/44822867a22c65130140606d3e3ee619379f06cd>.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Adorno T. Issledovanie avtoritarnogo haraktera. M.: Serebrjanye niti. 2020. 414 s.
2. Baeva L.V. Molodezhnyj jekstremizm v sovremennoj Rossii // Obzor.NCPTI. 2015. №5. S. 16-21.
3. Belikov S.V. Antifa. Molodezhnyj jekstremizm v Rossii.M.: Alitorus. 2012. 135 s.
4. Dzheffris S. Grand-otel'«Bezdna».Biografija Frankfurtskoj shkoly. M.:Ad Marginem Press.2018.448s.
5. Lebon G. Psihologija narodov i mass. M.: AST. 2019. 384 s.
6. Lukov V.A. Osobennosti molodezhnyh subkul'tur v Rossii // Sociologicheskie issledovanija. 2002. №10. S. 79-87.
7. Ol'shanskij D.V. Psihologija Mass. SPb.: Piter. 2002. 368 s.
8. Samohin A.A., Kanashina E.A. Neonacizm v Germanii: istorija vozrozhdenija // ISOM. 2016. №1-2. S. 108-112.
9. Tard G. Mnenie i tolpa // Psihologija tolp. M.: KSP+. 1998. 416 s.
10. Fromm Je. Begstvo ot svobody. Moskva: AST. 2020. 288 s.
11. Hlopov O.A. Ul'tra-pravye dvizhenija v SShA: proshloe i nastojashhee // Colloquium-journal. 2019. №5 (29). S. 58-62.
12. Abels H. Jugend vor der Moderne. Soziologische und psychologische Theorien des 20. Jahrhunderts. Opladen. 1993. 601 p.
13. H.E.A.T. Map // ADL. URL: <https://www.adl.org/education-and-resources/resource-knowledge-base/adl-heat-map> (data obrashhenija: 12.12.2021).
14. Horkheimer M. Authoritarianism and the family today // The family: its function and destiny. N. Y. 1949. 443 p.
15. Schneider G. For Hate of Money: Causes of Support for President Trump and Conservatism. Colorado. 2018. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/For-Hate-or-Money%3B-Causes-of-Support-for-President-Schneider/44822867a22c65130140606d3e3ee619379f06cd>.

Поступила в редакцию 15.04.2022.
Принята к публикации 18.04.2022.

Для цитирования:

Базаков А.З. Теоретические основы исследований радикального поведения молодежи // Гуманитарный научный вестник. 2022. №4. С. 90-100. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2022/04/Bazakov.pdf>